

Трудно оспорить мысль, что основное содержание «Прорицания вёльвы» (исключая, по-видимому, последнюю часть этой песни) восходит к языческой эпохе; боги в ней воспринимаются вполне серьезно. «Перебранка Локи» дает «изнанку» той же веры в богов. Признаюсь, я не нахожу между обеими поэмами противоречия — они находятся скорее в отношениях «дополнительности», присущей древним религиям.

В этой связи несколько слов должно быть сказано о главной фигуре «Перебранки Локи». В Локи причудливо переплетены самые различные черты, и положительные и отрицательные. Он — и помощник богов, доставляющий им необходимое, выручающий их из затруднений, но он же и вредитель, зачинщик ссор и столкновений, виновник гибели Бальдра. Локи — участник создания мира и вместе с тем участник и разрушения его. Он — отец мирового Волка, мирового Змея Ёрмунганда и Хель, владычицы преисподней. Локи — единственный из асов, свободно циркулирующий во всех мирах, в Асгарде — обители богов, в мире великанов и в мире карликов. В его натуре имеется нечто от всех этих сверхъестественных существ.

Комическое в песнях о богах связано с Локи. Однако в его облике содержится не только комическое, но и демоническое, это персонаж, обладающий «демоническим юмором»¹⁷. Локи в высшей степени противоречив и переменчив, амбивалентен. Это трюкач, трикстер. Подобный образ в качестве одного из близнецов — культурных героев встречается в мифологии и фольклоре разных народов мира (в Полинезии, Африке, Америке; у греков это Эпиметей как антипод и двойник Прометей). Находят себе параллели и перемена пола и извращенный эротизм Локи (у палеоазиатов и индейцев). На Севере Локи кажется двойником Одина, с которым он тесно связан¹⁸. Амбивалентность Локи, скорее всего, — не результат соединения разных традиций, а симптом особой архаической трактовки божества, при которой противоречивые качества его еще не расчленены и не противопоставлены одно другому.

Стоит отметить разительный контраст между перебранками богов в «Старшей Эдде», с одной стороны, и героическими песнями и сагами, с другой, контраст, заключающийся в том, что откровенная трактовка сексуальных отношений и широкое использование непристойностей или указаний на сомнительные в моральном отношении ситуации присущи лишь перебранкам, — остальная же литература (исключая, разумеется, «хулительные» песни скальдов) чужда подобной тематике и выражениям. Германцы, по словам Тацита, были народом целомудренным и эту характеристику сохраняли, по крайней мере в литературе, и в более позднее время. Упомянутый контраст, на мой взгляд, подтверждает предложенную выше трактовку «Перебранки Локи» как сакральной самопародии, направленной не против богов, а на подчеркивание их особой природы, их неподвластности человеческим обычаям и нормам.

Не менее существенно то, что «карнавально-перевертывающий» смех обнаруживается лишь в тех эддических песнях, в которых встречается игра с сакральным, где священное не лишено смехового оттенка или даже выражается именно в смешном. Здесь комическое сочетается с демоническим, образуя то исконное, изначальное единство, которое разрушилось в литературе Нового времени, где амбивалентная ирония, одновременно отрицающая и утверждающая, сменяется односторонней сатирой, только убивающей и ничего не возрождающей. В песнях же «Старшей Эдды» смех не вытесняет до конца трагизма — они синтетичны. Одно постоянно слы-

¹⁷ Grönbeck W. Kultur und Religion der Germanen, 2. Bd. Darmstadt, 1961, S. 331.

¹⁸ Подробнее см. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. 1968, с. 194—208; Jan de Vries. The Problem of Loki (F. F. Communications, No 110), Helsinki, 1933, p. 254 ff. В гипотезе Ф. Стрема (Ström F. Loki. Ein mythologisches Problem, Göteborg, 1956) особого внимания, мне кажется, заслуживает опять-таки мысль о двойственной природе божества, одновременно возвышенной и низкой.